

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

Дмитрий Богущкий

Николай Немытов

Наталья Кушнир

Олег Дивов

Сергей Волков

Виктор Войников

Антон Первушин

Наталья Духина

Дмитрий Градинар

Майк Гелприн

Марина Ясинская

Юлиана Лебединская

Даля Трускиновская

Дмитрий Федотов

Игорь Вереснев

Евгений Филенко

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ
ЗЕМЛЯН

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В87

Серия основана в 2003 году

Разработка серии *Е. Савченко*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Составитель сборника *С. Чекмаев*

В87 **Второе** пришествие землян / сост. С. Чекмаев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-04-089555-7

Сегодня космическая работа стала обыденностью. Отправка очередного экипажа на МКС не вызывает никакого ажиотажа, с куда большим интересом люди читают о курсе доллара, скандалах в семействах звезд и новых гаджетах. В школах больше не преподают астрономию, а недостаточная информационная поддержка орбитальных полетов приводит к тому, что люди просто не понимают, зачем вообще нужна космонавтика. В лучшем случае, осознают, что без спутников не будет телевидения и прогноза погоды. Айфоны и виртуальная реальность отняли у землян Марс и Венеру.

В год 60-летнего юбилея первого спутника, фактически положившего начало Космической эре человечества, отечественные фантасты размышляют о том, как же вернуть интерес к космосу..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дивов О., Первушин А., Филенко Е.,
Богуцкий Д., Немытов Н., Кушнир Н.,
Волков С., Войников В., Духина Н.,
Градинар Д., Гелприн М., Ясинская М.,
Лебединская Ю., Трускиновская Д.,
Федотов Д., Вереснев И., 2017

© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089555-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нас ждут бездны открытий и мудрости. Будем жить, чтобы получить их и царствовать во Вселенной, подобно другим бессмертным.

*Константин Эдуардович
Циолковский*

 век — это не только история двух самых кровопролитных войн. В результате послевоенного противостояния сверхдержав ракеты, предназначенные для доставки ядерных зарядов, помогли человечеству начать освоение космического пространства. Но пламя космического мышления, которое повело нас к звездам, зародилось еще раньше, и самые смелые умы всегда смотрели на космос не как на арену вооруженного противостояния, а как на бесконечное пространство, в котором люди смогут реализовать свой потенциал, обрести силу и величие. Перед лицом Вселенной мы — единое человечество с третьей планеты от Солнца, ведь далеким мирам все равно, что мы говорим на разных языках, носим разные флаги на шевронах и кожа у нас разных оттенков.

Сегодня входит в моду понятие «орбитальное мышление»: если смотреть на планету с орбиты, на ней не видно границ. Циолковский в начале прошлого века проектировал свои ракеты не для войны, а сегодня серьезные космические программы немислимы без международного сотрудничества.

Сборник, который вы держите в руках, — переломный взгляд на будущее космонавтики. Здесь вы

увидите миры и судьбы людей, которые оставили позади мысли о распрях, санкциях, забыли о предрассудках. Вы узнаете, что вид homo sapiens, рожденный в колыбели Земли, может и должен стать межпланетным. Это наша судьба, и вся Вселенная — наш общий дом. Наша Вселенная.

Так называется проект, который разрабатывает студия «Планета Людей». Выбрать это название нас вдохновил роман Сент-Экзюпери, посвященный первым авиаторам. Он по духу предвосхищает первые шаги человека в Космос. Ну, а «Наша Вселенная» — компьютерная игра с образовательным содержанием, путь космического агентства «КОРОНА», которому предстоит начать свою историю на Земле, на космодроме «Реплекс-Аква» и повести человечество вслед за мечтой.

В разработке игры «Наша Вселенная» нас поддерживают: летчик-космонавт СССР Сергей Крикалев, начальник лётно-испытательного отдела РКК «Энергия» Марк Серов, руководитель Московского космического клуба Иван Моисеев, специалист ЦНИИ-МАШ Владимир Пинчук и многие другие люди, связанные с космической отраслью. Мы знаем, что все получится, и этот сборник — первая ласточка, первая ступень на пути возвращения интереса к космосу.

Читайте прекрасную фантастику о космонавтике сегодня, и завтра мы можем сделать так, что мечта станет реальностью.

*Сергей Чекмаев,
писатель-фантаст, сценарист, составитель сборника,
Алексей Борисов,
руководитель студии «Планета Людей»
(проект «Наша Вселенная» Realuniverse.ru)*

ДМИТРИЙ БОГУЦКИЙ

ОРБИТА ЗАХОРОНЕНИЯ

вой первый спутник я добыл еще в средней школе.

Я тогда валялся в реабилитационном центре, наглухо отлученный от Сети, восстанавливался после запущенной постигровой дистрофии и со скуки уже порядком повозился с многочисленной однорукой робототехникой, самодельными 3D-принтерами, коптерами с разным количеством двигателей и обвесом и прочим таким барахлом, что предлагали в мастерской реабилитационного центра. Концепция изготовления реальных объектов, а не их функциональных визуализаций, оказалась для меня на тот момент шокирующе свежей и прекрасной.

Помню, приехал дед Ильи, моего соседа по курсу реабилитации, нестарый, как я теперь понимаю, человек, забрал нас смотреть на подъем Орбитального Стапеля. И мы поехали на его машине за город, в поросшую зеленым лесом старую промышленную зону, к заброшенным заводам. Там он выгнал нас из салона, и мы на подгибающихся от слабости ногах бродили по заросшим травой рельсам, дуряя от запаха горячей травы и креозота, пока он стаскивал тент с кузова внедорожника и, вращая лебед-

ку, вручную поднимал стартовую ферму с ракетой на ней. Небольшой такой подорбитальной ракетой класса «Подскок» длиной чуть больше роста человека — в те времена их уже вполне можно было арендовать. Полезной нагрузки такая ракета могла поднять не больше килограмма, но в нашем случае этого хватало за глаза.

Там я впервые увидел покетсат, «карманный спутник», что дед подогнал Илье за хорошее поведение, — когда он достал из контейнера черный куб пикосателлита для синхронизации со смартфоном Ильи перед запуском. Он вообще был великий мужик, дед Ильи, это я потом узнал, что он был одним из последних космонавтов-монтажников, работавших на Стапеле, а тогда, оказавшись одним из первых безработных космонавтов, не обломался и занимался своей непутевой семьей и отбившимся от рук внуком.

— Ух ты! — восхитился я, взвесив почти невесомый пикоспутник в ладони. — А откуда он взялся?

— Я сделал, — ответил дед Ильи, чем поразил меня в самое сердце: людей, способных изготовить нечто подобное, я не думал возможным встретить, а ведь он не выглядел небожителем. Он был самый обычный мужик: немногословный, в рыбацкой «цифре», прятал лицо от солнца под полями белой нейлоновой шляпы.

Мы установили куб покетсата под обтекатель ракеты, закрутили винты, отошли подальше, связались с ЦУПом, все честь по чести — частный взлет, получили данные на орбиту, все дела. И Илья дал на своем смартфоне команду на старт.

Ракета взревела и, едва не сшибив нас с ног ударной волной, резво прыгнув куда-то ввысь, мгновенно исчезла из глаз, оставив волну жара, за-

пах сгоревшего керосина и густой, расходящийся инверсионный след. Мы, раскрыв рты, пялились в опустевшее небо.

А потом дед Ильи нацепил на нас операторские очки, и мы увидели через камеру на борту ракеты, как внизу выгибается огромной бездонной чашей Земля.

А потом обтекатель распался, и я вместе с покетсатом вылетел наружу из уходившей на посадку ракеты и продолжил дальше свой суборбитальный полет в абсолютном одиночестве в бездонном пространстве космоса...

Я был прямо там...

Мы могли вращать камеру, озираясь. Сбоку, сверху, опять сбоку проносились затянутая облаками Земля. А потом вдалеке разгорелась яркая быстро растущая точка.

Это был Орбитальный Стапель, именно так — с большой буквы. Последнее достижение великой эры общемировых космических проектов. Я видел ее закат собственными глазами.

Без достаточной разрешающей способности камеры ничего мы, конечно, не увидели, пролетая мимо в сотнях километров ближе к Земле, а так почти лично присутствовали при конце эпохи. Я видел, как били выхлопы из множества двигателей маневровой системы Стапеля, похожего на ажурную сеть мостовых ферм, скреплявших многоэтажки цилиндрических обитаемых модулей и стволы параболических ферм с листьями солнечных батарей. Десятки двигателей в полной тишине выбрасывали потоки раскаленного газа, разгоняя всю эту махину, похожую на город, уводя его на все более высокую орбиту, все выше, туда, где его уже нельзя было толком разглядеть, — выше тридцати одной ты-

сячи километров, за геостационарную орбиту, на орбиту захоронения. Там находили последний приют аппараты, слишком большие или слишком опасные для спуска в атмосферу Земли, успокаиваясь там и не угрожая столкновением с аппаратами орбитами ниже.

Дед Ильи только вздохнул, прощаясь, как я теперь понимаю. Он там был, он его строил, теперь он его окончательно оставил вместе с непомерно большим куском жизни...

Это был день гибели традиционной космонавтики, но я тогда этого, конечно, не знал.

Я еще грезил, как однажды поднимусь на этот восхитительный и потрясающий Стапель, чтобы построить корабль, на котором я отправлюсь в глубокий космос к неоткрытым мирам.

Ничего этого, конечно, не сбылось.

Где-то через месяц, когда я уже был дома в теплом семейном кругу пристального отеческого попечения, похожего на домашнее заключение, все еще ограниченный в свободе и сетевом общении, с родительского соизволения со мной созвонился Илья.

— Тебе спутник случайно не нужен? — спросил он.

Я как-то даже не сразу его понял:

— Спутник? Это который спутник? Твой, что ли?

— Ага, мой...

— А тебе дедушка по башке за это не даст?

— Не даст. Он умер.

Когда даже твои прабабушки живы, трудно оценить смерть в другой семье. Я не нашелся, что сказать.

В доме у Ильи стояла тихая тенистая молчаливая печаль. В комнате дедушки на воздушном экра-

не все еще бежали строчки телеметрии от распределенного ЦУПа, автопилот вел спутник по его низкой орбите, даже после того, как за ним стало некому присматривать. Несколько юбилейных книг на полках, картина в тонкой металлической рамке, точнее, напечатанная маслом фотография — восход Солнца из-за пересекающихся дисков Луны и Земли, вид из космоса, откуда-то издалека, потому что это была оборотная сторона Луны.

С момента запуска покетсата я времени не терял. Все это время я засыпал бездны безнадежного незнания мешаниной спутанных фактов о реальном, невыдуманном космосе, и опознал море Москвы, в котором еще до моего рождения была брошена так и не восстановленная Единая Лунная станция — огромный проект, последний всплеск общечеловеческого глобализма, закончившийся черт знает чем...

Я посмотрел на синусоиду проекции орбиты спутника на поверхность Земли и прошептал:

— Летит.

— Ага, — безрадостно отозвался Илья. — Пока летит.

Время полета было не бесконечным, и оно истекло. Спутнику оставалось не больше трехсот оборотов. Это примерно две недели. Потом атмосфера, хотя и разреженная, все-таки затормозит низколетящий спутник, и он, падая к поверхности, сторит быстрее, чем пылинка в газовом пламени. На Земле даже не заметят.

Спутник никому не был нужен, даже Илье.

— Когда дедушка умер, они мозг ему вытащили и заморозили, — пробормотал он. — У него там осложнения были из-за космоса. Из-за невесомости. Они его увезли, вроде ненадолго, провериться, а там он умер, мозг вынули и заморозили. Говорят, может

быть, когда-нибудь его разморозят, они говорят, будет жить в свое удовольствие в сгенерированном мире, где можно делать что угодно. Что он так сам хотел... Только он не будет жить в свое удовольствие — он это все ненавидел. Анестезия для сознания, говорил. Он так жить не станет, по-настоящему...

Он не хотел видеть спутник, думать о спутнике, беспокоиться и заботиться. Он хотел забыть, не заходить, не видеть, не вспоминать, не плакать. И забота о спутнике тяготила его непомерно.

И я не колебался ни мгновения.

— Если хочешь, я могу забрать твой спутник, — вполне искренне вызвался я. — Жалко же, если сгорит...

Илья готов был отдать его кому угодно.

К счастью, «кем угодно» оказался я.

Памяти моего смартфона едва хватило на клиентскую часть доступа к распределенному ЦУПу. Илья передал мне права доступа, и спутник стал мой.

Он действительно стал мой. Спутник у тебя в кармане — это просто непередаваемое впечатление. Я шел домой и через его камеру следил, как над синью океана вращаются огромной спиралью облака. А если отвести камеру от Земли, черный космос тут же наполнялся навигационной индикацией, множеством отметок летящих аппаратов.

Чертова прога моментально отожрала под свои распределенные расчеты всю память смартфона без остатка. Пришлось удалить все игры подчистую, а она еще потребовала вдвое больше, чем вообще было доступно. Но я все равно был счастлив, потому что это было оно, настоящее...

А проблемы мои только начинались.

Дома я безжалостно разнес былой свой игровой узел доступа в Сеть, переформатировав его в центр

управления. Родители были только рады. Бедняги не знали, как меня накрыло на этот раз. Спутник отправлял и получал телеметрию и, кроме того, усердно обменивался трафиком с аппаратами похожего класса на близких орбитах. Так я узнал, что близкий космос населен куда более плотно, чем было заметно. Частный космос, маленький и незаметный, процветал в тени умирающих всемирных гигантов ракетостроения. В списках распределенного ЦУПа стояли сотни имен и тысячи аппаратов. И никто в этой горизонтальной сети не терял свой спутник — когда тот уходил за горизонт, дружественный трафик поддерживал минимально необходимый канал связи, даже когда между нами оказывалась вся планета. Это было странно: ощутить естественную, как дыхание, взаимопомощь неведомых людей в неизвестных мне краях, языка большей части из них я даже не слышал раньше. Это была такая поддержка, что стоила очень многого.

И когда, лежа в постели, думал о спутнике, который наматывал в высоте свои последние витки — где-то один за час, — я понял, что не смирюсь и не дам ему погибнуть.

С этого момента я был твердо намерен сражаться за его выживание. Я вытащил смарт из-под изголовья, включил. Спутник потерял за сутки почти километр высоты, атмосфера стала уже достаточно плотной, чтобы замедлять его все заметнее.

Как у всякого спутника нового поколения, у него был трос ликвидации, километровый газомеханический тросик диаметром миллиметр, размотав который и пропуская через него электрический ток в магнитном поле Земли можно менять скорость орбитального аппарата на конце такого хвоста. В данном случае имелось в виду, что я, как ответственный

пользователь, выпустив трос, начну замедлять спутник вплоть до его спуска в более плотные слои атмосферы, где он экологично сгорит на хрен.

Сделал я ровно противоположное. Я начал медленно, но верно разгонять мой аппарат, орбита его при этом, естественно, повышалась, уводя его от Земли. Вопиющее нарушение протокола частного пользователя космических средств.

Утром со мной вышли на связь соседи по орбитам.

— Барон Суббота, отзовитесь. Вызываю Барона Субботу.

Это у меня такой ник остался со времен запойного увлечения смешанными с реальностью играми.

— Барон Суббота, вы нарушаете свой дивизион, отзовитесь.

— Говорит Барон Суббота, — отозвался я.

— Чего это вы вытворяете, молодой человек? У вас курс на снижение, а вы поднимаетесь.

— Я передумал, — не колеблясь, ответил я.

— Ну, если передумал, так выкупи орбиту и болтайся там на все деньги, дивизион-то ломать зачем?

— А сколько стоит выкупить орбиту?

Мне сказали сколько.

В те славные времена на такие деньги мальчик вроде меня мог неделю жить на всем готовом, и еще бы оставалось, чтобы вволю и без меры пережечь свободного времени в призрачных мирах. Стоило это тогда не очень дорого, хотя и побольше, чем астероид своим именем назвать.

Именные астероиды в те времена меня еще не интересовали, а вот на собственный спутник я запал. Но ничего подобного позволить себе я, конечно, не мог, хотя даже такой бросовый подержанный

спутник, как у меня, на низкой орбите с иссякающим запасом оборотов перед падением в атмосферу стоил, как подержанный автомобиль. Несколько больше того, что у меня обычно бывало в кошельке. Но вполне достаточно для того, что было у меня в голове. Хотя еще когда мы с Ильей баловались со стандартным функционалом покетсата, у меня уже мелькали мысли, как эффективнее можно использовать этот ресурс.

В общем, я поступил хитро. Я устроил общий чат в своем прежнем игровом клане.

— Вот, дивитесь, чуваки, тема. Нет, это не симулятор. Чего, графика слабая? Да что б ты понимал, балбес! Это круче в сто раз — это настоящий космос! Настоящий — это я тебе говорю! Реально можно спутником рулить, и квесты на орбите. Какие квесты? Ну разберемся там по ходу. Чем докажу, что настоящий? Чем, чем... Ну, хочешь, я его калибровочным лазером для камеры тебе в глаз посвечу? Сохраняться? Нельзя тут сохраняться — это же жизнь. Ну и иди, дурак набитый, — у меня тут и без тебя очередь из желающих ждет.

Оплата за «поиграться» с настоящим спутником стала первым ручейком, который проложил мне сияющую, вымощенную средствами и славой дорогу в небе.

Позже мы собрали наш первый «Мир орбитального пирата», и он стал моим первым большим проектом. В конце концов мы создали ту самую распределенную игру, свою, смешанную с реальностью, сепарированную реальность, с многотысячной аудиторией и множеством спутников в работе. Мифологизация и мистификация прежних космических достижений человечества тогда зашла за пределы